

Верина У.Ю. (Минск, Беларусь),
Орлицкий Ю.Б. (Москва, Россия)

Верлибр Максима Танка в оригинале и в русском переводе

Анализируя последнюю книгу Максима Танка «Еггата» (1996) как завет поэта, В.П. Рагойша обратил внимание на соотношение верлибра (свободного стиха) и разнообразных силлабо-тонических размеров: исследователь насчитывает 8 вариантов 2-сложных размеров, пять – 3-сложных, кроме того выделяет ряд 2-сложников и 3-сложников с переменной анакрузой. Долю верлибра в итоговой книге поэта В.П. Рагойша называет гармоничной: «Их в книге тридцать три, или 34,4%. Почти столько, сколько их установилось еще в «Перапісцы з зямлэй». Как и раньше, они возникают там, где появляются рассуждение, раздумье, где необходимо изобразить «прозу жизни». Две трети и одна треть – очевидно, это наиболее оптимальное для поэта соотношение между стихом классическим (силлабо-тоническим, тоническим) и свободным, или верлибром» [4, с. 114].

Исследователь отмечает последовательное увеличение доли верлибра в поэзии М. Танка и связывает эту динамику с «оттепельными» процессами в советской литературе, когда «Максим Танк одним из первых во всей поэзии тех лет обратился к верлибру. <...> Так, если в сборнике «След бліскавіцы» (1957) Св (свободного стиха. – Ю.О., У.В.) не было совсем, то в книге «Мой хлеб надзённы» (1962) их насчитывалось уже 6%, у «Глытку вады» (1964) – 16%, а в «Перапісцы з зямлэй» – аж 32%» [5, с. 190]. Указанная динамика, однако, отражает не только действительный рост внимания поэта к верлибру, но и возможность его публикации, поскольку верлибр не возник в поэзии М. Танка во второй половине 1950-х гг., к этому типу стиха, наряду с разнообразными переходными формами, он обращался с самого начала 1950-х гг., с «досентябрьского» периода творчества.

Эволюцию творчества М. Танка обычно связывают с движением поэта к простоте и классичности. При этом часто цитируется его «программное» стихотворение 1957 г. «Перш непакоіўся...», которое завершается так: «Сёння стараюся забіць / Вобразы каменнага веку, / У якім я радзіўся... / Каб у наш час / Міжпланетных палётаў / І вершу даць строгую / Форму ракеты / І вывесці беспамылкова на трасу – / Да сэрца» [6, т. 3, с. 158]. Примечательно, однако, что суждение о «строгой форме ракеты» выражено свободным стихом.

Известно также, что поэт неоднократно высказывался (в дневниках, интервью и непосредственно в стихах) о том, что именно приводит его к необходимости писать верлибром. Так составляется значительный цикл металитературных верлибров, написанных в разные годы («Вы пытаецеся, што я патрафлю рабіць...», 1939; «У музеі – маска паэта...», 1968; «Усё часцей спыняюся я...», «Пасля бясконцых пошукаў...», «Ля старой хаціны», 1969; «Павестка ў суд», «Як я стаў паэтам», 1970; «Вершы мае – часовыя прыстанішчы...», «Словы – пух тапаліны...», 1971; «Калісьці хапала мне...», 1981; «Рыфма», 1993; и др.). В форме свободного стиха поэтом высказывается принципиальная независимость поэзии от правил, рамок, ограничений.

Уже в ранних опытах М. Танка заметно стремление к разнообразию и поэтической свободе, которое автор сохраняет на протяжении всего творческого пути. 10 апреля 1936 г. поэт записал в дневнике: «Паэзія наша ўсё яшчэ развіваецца ў нейкай самаізаляцыі ад усіх сучасных авангардысцкіх напрамкаў, якія адмовіліся ад старых рыфмаў, дакучнай меладыйнасці, кананічнай логікі развіцця вобразаў...» [6, т. 9, с. 103], и тут же поясняет свое представление о новой литературе: «...сапраўдная авангардная літаратура перад усім мусіць быць рэвалюцыйнай» [6, т. 9, с. 104].

Однако далеко не все стихотворения, написанные неклассическими метрами, можно отнести к верлибру в строгом понимании (см. [1, с. 389; 3, с. 321–331]). Особенно это касается ранних стихов, которые можно рассматривать как своего рода подступы к свободному стиху.

Так, в датируемом 1930 г. стихотворении «На касагоры» из 13 строк 10 силлабо-тонических: разноstopные ямбические, две дактилические, одна совпадает с хореем: «На касагоры хаты батракоў (Я5), / Пападзіраныя парканамі, (Я5) / Голадам, / Чаканнем перамен (Я3), / Стаяць з дзіравымі капелюшамі стрэх... (Я6)»; «Якая цёмная (Я3) / На «Ўсходніх Крэсах» ноч! (Я3) / Пажары толькі ў ноч такую бачны (Я5)» [6, т. 1, с. 26]. В стихотворении 1938 г. «Каля мора», имевшем несколько редакций, все варианты начинались трехсложной силлабо-тонической строкой: в первой публикации это дактиль («Хмараў чаўны наплываюць...»), в публикации 1947 г. – анапест («Чаўны хмар наплываюць...»), в собрании сочинений 1978 г. (и последнем 13-томнике), где публикуется редакция с отброшенной автором первой строкой, – снова анапест («На каленях маіх / Вадаспад тваіх кос...») (см. [6, т. 1, с. 151, 325–326]). Следующая строка уже 3-стопная с дополнительным ударением на второй стопе, затем поэт возвращается к 2-стопному анапесту и вводит рифму – единственный раз в стихотворении: «...Не магу сабраць гэтага золата, / Асушыць кроплі рос».

Первые редакции этого стихотворения включали строки двусложных размеров и дольника, в последнем варианте преобладает разноstopный анапест, однако строки разной длины чередуются непредсказуемо, рифменных созвучий больше не возникает.

Спорадическую рифмовку в белом стихе поэт использовал и позднее. Например, в стихотворении 1972 г.: «Не раз уладары, / Шчаслівыя і закаханыя, / Спынялі час. / І ў мяне не раз / З'яўлялася спакуса / Спрабаваць зрабіць / Нешта падобнае...» [6, т. 5, с. 9]. В то же время у М. Танка можно встретить и примеры того, что, наоборот, в преимущественно урегулированном стихе присутствуют инометрические вкрапления, как в стихотворении 1987 г. «Гравюры Скарыны», большинство строк которого написаны белым разноstopным ямбом, однако ямбическая инерция устанавливается лишь с четвертой строки, которая в 13-й снова нарушается: «Ён выказаў іх / На спаконвечным / Дрэве гісторыі / (4) Свайго народа, / Хоць мог бы падабраць / І больш падатлівы, / І больш удзячны /

Матэрыял. / I выразаў ён іх / Не штыхелем-разцом, / А промнем сонца, / Промнем сваёй веры / (13) I любові да народа» [6, т. 6, с. 72].

Как видим, поэт не придерживается никаких правил, даже правил верлибра, последовательно отказывающегося от *всех* вторичных стихообразующих признаков. У М. Танка немало гетероморфных форм (см. [2, с. 673–684]), кроме того что поэтом использовано всё разнообразие типов и собственно верлибра: «длинных» и «коротких», астрофических и разделенных на строфоиды. Придерживались ли переводчики такого же разнообразия, которое представлено в оригинальных неклассических стихах белорусского поэта?

Переводы верлибров М. Танка на русский язык появляются далеко не сразу. Довольно рано, через 4 года после выхода дебютной книги, в Москве вышел небольшой сборник «Стихотворений» (1940), в который вошли переводы Н. Титова, Б. Иринина, П. Семынина, В. Цвелева, А. Штейнберга, А. Чачикова. Все стихотворения, собранные в первой русской книге М. Танка, – рифмованные силлабо-тонические. В библиотеке журнала «Огонек» в 1948 г. вышли стихотворения М. Танка в переводах А. Кудрейко. Этот переводчик также отдал предпочтение классическим формам. В книгах 1950-х гг. есть единичные примеры перевода белых стихов (например, «Тростенец» – белый разностопный ямб, перевод А. Кленова, в кн. «Стихи. Сказки. Поэмы» 1953 г.). В книге 1956 г. «Новые стихотворения» публикуется перевод А. Андреева «Руки матери», сохраняющий частичную рифмовку и разнообразие 3-сложников оригинала. На фоне других стихотворений книги это – самое «смелое», других форм в поэзии М. Танка переводчики (Н. Браун, А. Прокофьев, Я. Хелемский и др.) словно «не замечали».

С 1958 г. начинают публиковаться стихотворные циклы и книги, перевод которых выполнялся одним поэтом, – Я. Хелемским (в 1958 г. в составе книги «След молнии» и отдельным изданием выходит его перевод цикла «У дарозе» – «С дороги», авторизованный перевод в книге, названной «Стихи с дороги»). И, по всей видимости, лишь в книге 1964 г. «Мой хлеб насущный» (М.: Советский писатель) появляются свободные стихи М. Танка в авторизованных переводах Я. Хелемского и А. Прокофьева («Мы накануне полета к звездам...», 1958; «Когда отмечается день рождения...», 1958; «Солнечные часы», 1961; «Сперва я заботился только о том...», 1962; «Стекла старого дома», 1962 и др.).

В этом смысле характерен ряд, в который помещает имя М. Танка Я. Хелемский в предисловии к собранию сочинений поэта на русском языке (первое издание вышло в 1971 г.): это П. Неруда, Н. Хикмет, П. Элюар, Я. Рицос, – то есть поэты-коммунисты, писавшие в те годы свободным стихом; из предшественников упомянуты Уитмен, Аполлинер, Сендберг [7, с. 20]. Этот список со ссылкой на опыт «прогрессивных» зарубежных авторов представляет собой принятую в советской критике стратегию защиты свободного стиха от его ортодоксальных оппонентов в 1950–1970-е гг. При этом характерно, что защитником выступает один из самых активных переводчиков М. Танка (и других белорусских поэтов, в т.ч. А. Кулешова, П. Бровки, П. Панченко), который сам

написал и опубликовал более десятка оригинальных свободных стихов, самый ранний из которых датирован 1970 г.

Кроме того, стихи и поэмы М. Танка в разные годы переводили на русский язык также такие мастера русского верлибра, как И. Сельвинский, Д. Самойлов, О. Колычев, А. Чивилихин, И. Бурсов.

Я. Хелемский, в основном точно передавая лексику, смысл и ритм оригинала, иногда позволял себе не просто соблюдать особенности свободных стихов М. Танка, а в ряде случаев делать их даже более «свободными». Так, переводя ставшее хрестоматийным стихотворение 1968 г. «У музеі – маска паэта...», получившее в переводе название «Маска», в оригинале 5 строк совпадают с силлабо-тоническими двусложными (3, 5–8-я), в переводе – всего две, и при этом с трехсложниками:

У музеі – маска паэта	В музее маска поэта,
Акамянелая.	Окаменелая,
Абыякавая да ўсяго. Х5	Равнодушная ко всему.
Разбіце або прыміце яе!	Разбейте ее Амф2
Ці ж вы не знаеце, Я3	Или хотя бы уберите.
Што, каб ён быў такім, Я3	Неужто вам не понятно,
Як гэта маска, Я2	Что если б он был таким,
Напэўна, яшчэ жыў бы. Я3	Наверняка еще жил бы! Дак3

Показателен также пример перевода Хелемским одного из самых ранних стихотворений М. Танка «На касары» (1930). В оригинале, как уже говорилось, каждая строка подчиняется силлабо-тоническому размеру (10 строк ямбические, 2 дактилические, 1 строка хорей), в переводе Я. Хелемского всего 7 силлабо-тонических строк, остальные переданы верлибром.

Аналогичным образом перевод стихотворения 1969 г. «У полі» содержит только 6 силлабо-тонических строк (вариант с ударением «лёмехов» дает первую ямбическую строку, тогда – 7) вместо 18 в оригинале. Обращает на себя внимание также принципиальное удлинение некоторых строк по сравнению с оригиналом (2, 11-я с 14 и 12 слогов до 18 и 19 соответственно), что также делает перевод более свободным за счет увеличения контраста длины строк, характерного для свободного стиха.

Таким образом, можно констатировать, что русские переводы стихотворений М. Танка, представляющих собой не «чистые» верлибры, а переходные формы с метрической доминантой (поэт отдает предпочтение ямбу) оказываются в ряде случаев более «свободными», чем оригиналы; можно также сказать, что обращение к переводам помогло русским авторам укрепиться в их симпатии к свободному стиху, спровоцировало создание новых верлибров на русском языке, что лишний раз свидетельствует о взаимном обогащении двух литератур.

Литература

1. Гаспаров, М. Л. Примечания / М. Л. Гаспаров // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. – М. : Наука, 1980. – С. 387–494.

2. Орлицкий, Ю. Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности / Ю. Б. Орлицкий. – М. : РГГУ, 2008. – 845 с.
3. Орлицкий, Ю.Б. Стих и проза в русской литературе / Ю. Б. Орлицкий. – М. : РГГУ, 2002. – 685 с.
4. Рагойша, В. П. Максім Танк – майстар вершаванага слова / В. П. Рагойша // Беларускае вершаванне : вучэб. дапам. В. П. Рагойша. – Мінск : БДУ, 2010. – С. 107–114.
5. Рагойша, В.П. Паэтыка Максіма Танка / В. П. Рагойша. – Мінск : Выд-ва БДУ імя У. І. Леніна, 1968. – 227 с.
6. Танк, М. Збор твораў : у 13 т. / М. Танк / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ-ры імя Я. Коласа і Я. Купалы ; рэдкал.: У. В. Гніламедаў [і інш.] ; прадм. В. В. Зуёнка. – Мінск : Беларус. навука, 2006–2012.
7. Хелемский, Я. А. Почва и судьба / Я. А. Хелемский // Собр. соч. : в 3 т. / М. Танк. – М. : Худож. лит., 1985. – Т. 1. – С. 5–26.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ